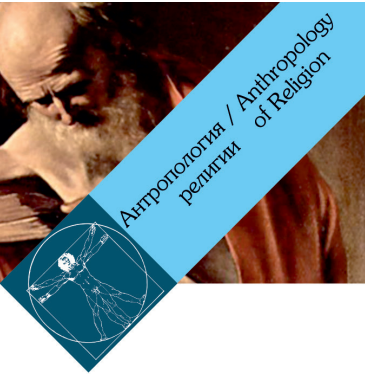

Религиоведение. 2024. № 3. С. 95–102.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 3. P. 95–102.

DOI: 10.22250/2072-8662-2024-3-95-102

Федоров Р.Ю.

Тюменский научный центр СО РАН
625026, Россия, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86
r_fedorov@mail.ru

Этнокультурная память потомков молокан на юге Западной Сибири

Аннотация. В статье рассмотрены особенности этнокультурной памяти потомков группы молокан, переселившейся в начале XX в. на территорию современного Одесского района Омской области. Работа опирается на результаты проведённого в 2023 г. полевого исследования, в ходе которого были взяты интервью у представителей второго и третьего поколений потомков переселившихся на территорию района молокан. Помимо этого, был исследован ряд историко-краеведческих публикаций и документальных источников, хранящихся в Государственном архиве Омской области. Установлено, что благодаря таким факторам, как тесная интеграция проживавших поблизости общин молокан и баптистов, а также постепенная утрата значения религиозных убеждений, название «молокане» для большинства местных жителей к началу XXI в. утратило свой исходный религиозный смысл и чаще стало использоваться в качестве своеобразного коллективного прозвища современных жителей деревень, в которых проживают их потомки. При этом среди потомков молокан продолжает сохраняться память о ряде религиозных и этнических традиций их предков. Для трансформаций этнокультурной памяти, отражающей этнические традиции потомков молокан характерны следующие тенденции. В духовной культуре лучше всего сохранилась память о поминальной обрядности. В материальной культуре наиболее сохранной осталась память о традиционной кухне. Эта ситуация во многом коррелирует с принципами сохранения и трансформаций традиционной культуры, которые фиксировались нами у других групп переселенцев. В случае групп молокан, проживавших на территории Одесского района Омской области, на трансформации элементов их духовной культуры решающее влияние оказал процесс модернизации жизненного уклада в советский период и рост числа браков с представителями других конфессиональных направлений. На трансформации материальной культуры оказала влияние специфика локальных природных ресурсов, а также заимствование адаптационного опыта у нового этнического окружения.

Ключевые слова: молокане, баптисты, духовные христиане, идентичность, этнокультурная память, Омская область

Roman Yu. Fedorov

Tyumen Scientific Center
86 Malygina St., Tyumen, 625026, Russia
r_fedorov@mail.ru

Ethnocultural Memory of the Molokans Descendants in the Southwest Siberia

Abstract. The article examines the features of the ethnocultural memory of the descendants of the Molokans group, who migrated at the beginning of the 20th century to the territory of the modern Odessky district of the Omsk region. The work is based on the results of a field survey conducted in 2023, during which interviews with representatives of the second and third generations of the Molokans descendants were conducted, as well as a number of historical and local historical publications and documentary sources kept in the State Archive of Omsk region were examined. It has been established that, due to the close integration of Molokan and Baptist communities living near each other, as well as gradual loss of religious beliefs, the name “Molokan” for the majority of locals by the beginning of the 21st century had lost its original religious meaning and more often became a kind of collective nickname for modern villagers where their descendants live. At the same time, the memory of ethnic and religious traditions of Molokans' ancestors continues to be preserved among their descendants. The transformations in ethnocultural memory, reflecting the ethnic traditions of these descendants, are characterized by several trends. In terms of spiritual culture, funeral rituals are best preserved in memory. In terms of material culture, traditional cuisine remains the most consistent. This situation largely correlates with the principles of preservation and transformation of traditional culture, which we recorded among other groups of migrants. In the case of Molokan groups living in the Odessky district of Omsk region,

transformation of elements of their spiritual culture was decisively influenced by the process of modernization of their lifestyle during the Soviet period and increase in the number of marriages with representatives of other religions. Transformation of material culture has been influenced by specific local natural resources as well as borrowing adaptation experience from a new ethnic environment.

Key words: Molokans, Baptists, Spiritual Christians, identity, ethnocultural memory, Omsk region

Введение

Благодаря обширной географии расселения духовных христиан – молокан, на территории России, Украины, Закавказья, Средней Азии и некоторых стран дальнего зарубежья сложилось множество их локальных групп, которые пережили индивидуальные пути адаптации к новым природно-климатическим условиям и этническому окружению. В рамках реализованной в 1980-е гг. программы полевых исследований Института этнографии АН СССР были разносторонне исследованы процессы адаптации традиционной культуры жизнеобеспечения молокан, проживавших в Закавказье [Русские старожилы, 1990; Духоборцы, 1992; Григулевич, 1996] и др. На этом фоне этнокультурные аспекты адаптации молокан на территории азиатской части России исследованы лишь фрагментарно. Наиболее последовательно они были рассмотрены на территории Дальнего Востока России в период со второй половины XIX до первой трети XX вв. в работах Е.В. Буянова [Буянов, 2012, 2021] и др. Особенности сохранения и трансформации традиционной культуры молокан, проживающих на юге Западной Сибири, в числе первых были исследованы Т.М. Назарцевой [Назарцева, 1996]. В изданной в 2019 г. в Германии монографии К.А. Прохорова была затронута тема взаимодействий молокан с Омской общиной баптистов [Прохоров, 2019]. Несмотря на наличие этих и ряда других исследований, на сегодняшний день остаётся множество пробелов в изучении этнокультурных процессов у отдельных групп молокан, проживавших в аграрной среде юга Западной Сибири. Отличительной особенностью этих групп являлась достаточно высокая степень их изолированности от других общин молокан. Подобная оторванность от крупных общин обуславливала во многом стихийный характер конфессионального развития этих групп молокан, который по своей сути был близок к народным религиозным традициям. Ярким примером этой ситуации стали особенности развития отдельных групп молокан, поселившихся в начале XX в. на территории Омского уезда. После установления советской власти, вплоть до конца 1930-х годов молокане, проживавшие в Омске, были официально оформлены в общину, имевшую свой устав, в котором были сформулированы её религиозные воззрения и принципы самоуправления [ГАИО. Ф.Р-248. Оп. 1. Д. 7]. Иная ситуация складывалась в сельской местности, где общины молокан не имели какого-либо институционального оформления. В этой ситуации основным каналом трансляции религиозной идентичности молокан оставалась лишь этнокультурная память. По определению, данному Е.Ф. Фурсовой, под этнокультурной памятью понимается «совокупность многообразных представлений/знаний людей о прошлом своего народа/группы, традициях и обычаях родного края. Этнокультурная память, таким образом, включает представления и знания о своей традиционной культуре, индивидуальные или коллективные, по сути – символическую репрезентацию реального прошлого» [Фурсова 2022, 948]. Таким образом, если под исторической памятью чаще всего принято подразумевать своеобразную вертикальную проекцию массовых репрезентаций определённых «центральных» исторических событий, то к этнокультурной памяти можно отнести горизонтальную проекцию памяти народа, включающую репрезентации представлений об общности происхождения, локальной истории, коллективном жизненном опыте и традициях определённой этнической общности [Федоров, 2023]. При этом, как показывают исследования современной религиозной жизни восточнославянского населения Сибири, обращение в ней к паттернам этнокультурной памяти у отдельных этноконфессиональных групп нередко несёт в себе созидательный потенциал, который помогает справиться со многими вызовами современности [Фурсова, 2021].

Характерным примером, иллюстрирующим механизмы трансляции этнокультурной памяти сельских общин молокан на юге Западной Сибири, являются их

небольшие группы, которые проживали в деревнях Брезицк и Белосток Одесского района Омской области. В 2023 г. в этих деревнях нами были проведены интервью у представителей второго и третьего поколений переселившихся на территорию района молокан, большинство из которых были рождены в 1920-е – 1960-е гг.¹. Помимо этого был исследован ряд историко-краеведческих публикаций и документальных источников, хранящихся в Государственном архиве Омской области.

По воспоминаниям жителей обследованных деревень, большинство их предков переселились с территории современного Пестравского района Самарской области. Помимо этого района в воспоминаниях потомков переселенцев среди мест выхода также фигурируют Воронежская, Курская губернии и Закавказье [Губенко, 2023, 4]. Наиболее вероятно, что переселения молокан в начале XX в. на юг Западной Сибири были связаны с аграрной реформой П.А. Столыпина. Сохранились воспоминания о том, что на территории современного Одесского района молокане первоначально проживали в деревнях Белосток, Брезицк, Харитоновка, Генераловка, Синявка и Людмировка. Параллельно с молоканами на территорию района переселялись баптисты. Один из лидеров движения российских баптистов П.В. Павлов отмечал: «Баптистское движение в России вышло из недр русского сектанства, корни которого кроются в далёком историческом прошлом русского народа... Молоканство явилось почвой, из которой вырос русский баптизм, принявший от заграничного баптизма его организационные формы, давшие ему крепость и устойчивость, – то, чего не доставало прежнему молоканству» [Павлов, 1925, 6]. Исследователь омской церкви евангельских христиан-баптистов К.А. Прохоров выделял такие отличия русского молоканства от европейского баптизма, как пацифизм, вера в свободную волю, молитвы об умерших, уважительное отношение к апокрифам, подчёркнуто строгая одежда, полный запрет на употребление алкоголя и табака, безоговорочное послушание старцам, суровые посты, убеждённость в глубокой древности своего движения. При этом автор отмечал, что эти особенности в определённой мере (негласно) распространились и на сложившееся в России движение баптистов [Прохоров, 2019, 27]. В то же время, по мнению К.А. Прохорова, большинство молокан традиционно истолковывали главные церковные таинства – крещение и причастие – «духовно» (не буквально), от чего русские баптисты с самого начала отказались [Прохоров, 2019, 28]. В современной этнокультурной памяти жителей Одесского района Омской области различия между баптистами и молоканами почти стёрлись и ассоциируются лишь с незначительными деталями: *«Молокане и баптисты вслух читали библию и пели божественные стихи. Баптисты очень хорошо разделяли каждое слово. А у молокан сливалось, они тянули слова в псалмах. А так, все одинаково»* (Полевые материалы автора (далее – ПМА) – 2023, д. Брезицк, Одесского р-на Омской обл.). При этом даже в одной семье конфессиональная идентичность её членов могла различаться или носить плавающий характер: *«Папа гордился, что он молоканин, осознанно себя им считал, а одна его сестра была то баптисткой, то молоканкой»* (ПМА–2023, д. Брезицк, Одесского р-на Омской обл.). Как правило, для большинства респондентов характерна двухуровневая этнокультурная идентичность, в соответствии с которой они отождествляют себя с русскими и молоканами. Несмотря на то, что у представителей старших поколений сохранилась память об основных религиозно-мировоззренческих представлениях своих предков, к началу XXI в. они не играют важной роли в жизни большинства людей. Благодаря таким факторам, как тесная интеграция общин молокан и баптистов, которая привела к их фактическому слиянию, а также постепенная утрата значения религиозных убеждений у последующих поколений потомков представителей этих групп, рождённых во второй половине XX в., название «молокане» для многих жителей Одесского района утратило свой исходный религиозный смысл и чаще всего используется в качестве своеобразного коллективного прозвища современных жителей деревень Брезицк и Белосток. Сходная ситуация в 1990-е годы была выявлена Т.М. Назарцевой в соседнем Полтавском районе Омской области. Многие жители села Вольного, относящегося к этому району, называли себя молоканами, хоть и не являлись верующими [Назарцева, 1996, 227].

Деревня Брезицк была основана в 1908 году. Наиболее вероятно, что молокане были в числе её первопоселенцев. По воспоминаниям местных жителей, они

составляли основу населения деревни. Помимо молокан здесь первоначально проживала незначительная группа украинских переселенцев, представители которой впоследствии переселились в другие деревни.

Деревня Белосток была основана в 1906 году. В Белостоке молокане поселились не позднее 1916 года. При этом одновременно с ними в деревню также водворялись баптисты. Об этом свидетельствует список переселенцев, хранящийся в Государственном архиве Омской области [ГАИО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 262]. В Белостоке молокане поселились на одной улице, которую местные жители первоначально называли Самарской, а позднее неофициально стали именовать Молоканской. Примечательной особенностью Белостока является то, что в нём сохранилось два кладбища – православное и молоканское. Следует отметить, что по воспоминаниям потомков молокан, на родине их предков, которая находится на территории современного Пестравского района Самарской области, также практиковалось разделение деревень на части, в которых обособленно жили православные и молокане, при этом у представителей этих групп были отдельные кладбища. Таким образом, практики подобного взаимообособления были привнесены переселенцами из мест выхода.

Сопоставление полевых материалов, собранных на территории Одесского района Омской области с этнографическими описаниями и документальными источниками второй половины XIX – начала XX вв. позволили проследить эволюцию мировоззрения проживавших на его территории молокан. По рассказам жителей Брезницка и Белостока, их предки считали, что к вере нужно прийти самому, а потом желательно за свою жизнь к ней кого-нибудь приобщить (например – своих детей). При этом проживавшие здесь молокане не занимались миссионерской деятельностью, воспринимая свою веру в первую очередь в качестве основы личного мировоззрения. Отличительной особенностью мировоззрения молокан являлась вера лишь в духовную сущность христианства. При этом они не поклонялись иконам и не держали их в доме. Отличия религиозных представлений молокан и баптистов от канонов официальной православной церкви хорошо иллюстрирует рассказ рождённой в 1929 году уроженки села Белосток: *«Иконы они не признавали, ни те, ни другие. Они говорили, что на иконах изображены люди плотские – грешники, которые может быть потом святыми стали. Они преклонялись только перед Отцом, Сыном и Святым духом. А иконы нарисованы на какой-то деревяшке. Молокане и баптисты считали, что их вера самая чистая, серьёзная и справедливая. Православные поклоняются нарисованным, а мы признаём дух и больше ничего. Жилище наше небесное, а всё земное – плотское. Оно из земли пришло – в землю уходит и в землю превращается. Потому что мы все питаемся продуктами земли, и мы сами из земли. Когда мы умираем, мы превращаемся в землю»* (ПМА–2023, с. Одесское, Одесского р-на Омской обл.). Важными чертами мировоззрения молокан, проживавших в Одесском районе Омской области, считалось созвучное с протестантской этикой трудолюбие, а также полный отказ от употребления табака и алкоголя. При этом, по воспоминаниям местных жителей, молокане с терпимостью относились к советской власти. Многие из них вступали в комсомол и партию. В свою очередь, благодаря ответственности и трудолюбию молокан отношение советской власти к ним тоже можно было назвать терпимым. Примечательно, что по материалам XIX и начала XX в. отказ от службы в армии с оружием носил для молокан принципиальный характер. Однако проживавшие в Брезницке и Белостоке молокане не уклонялись от военной службы в годы Великой Отечественной войны, а некоторые из них принимали участие в Первой мировой и Гражданской войнах.

До середины XX в. в большинстве молоканских семей избегали браков с православными. Позднее эти ограничения начали смягчаться. Данная ситуация была обусловлена как демографическим кризисом, наступившим после Великой Отечественной войны, так и постепенным ослаблением сложившихся ранее религиозных норм поведения и авторитета старших членов семьи: *«Когда сестра старшая выходила замуж за православного, папа говорил: “У меня нет благословения, он православный”, но она ему ответила: “Если не отдашь замуж, я убегу”. Мама её поддержала»* (ПМА– 2023, с. Желанное Одесского р-на Омской обл.). Начиная с

1990-х годов многие представители третьего и четвёртого поколения молокан были крещены в православной церкви.

По воскресеньям молокане по очереди собирались в доме одного из местных жителей, садились за стол, покрытый белой скатертью, читали молитвы, а также пели песни духовного содержания. По мнению жителей Брезицка и Белостока, в их деревнях молоканские ритуальные обычаи наиболее стойко проявлялись в похоронной и поминальной обрядности. В день похорон было принято петь песни духовного содержания и читать молитвы. Помимо этого на похороны приглашались плакальщики. Первоначально гроб выносили на полотенцах и несли его на руках на кладбище. С начала 1970-х годов гроб начали возить на машине. Голова покойника должна была быть обращённой на запад, а ноги – на восток: *«Папа говорил, что покойник должен видеть в ногах у себя восход солнца»* (ПМА–2023, д. Брезицк Одесского р-на Омской обл.). После похорон участвовавшие в них люди возвращались в дом усопшего на поминки. У молокан не было распространено поминовение усопших на 9 и 40 дней. Несмотря на это, в их семьях практиковались поминки на первый год после смерти. В Брезицке после похорон не было принято ходить в поминальные дни на кладбище: *«Бабушка сказала не ходить к ней на кладбище. Говорила: “Я уже дома, ты ещё в гостях. Хотите поминать – поминайте дома”»* (ПМА – 2023, д. Брезицк, Одесского р-на Омской обл.). При этом во многих семьях молокан не ухаживали за могилами родственников. Все люди, которые прикасались к покойнику на похоронах (обмывали его и клали в гроб), считались нечистыми. Им не разрешалось сидеть за общим поминальным столом. Если присутствовавший на похоронах человек случайно прикоснулся к покойнику или поцеловал его в лоб, его считали поганым на период похорон. Для обмывания покойника приглашали специального человека. Его сажали за поминальный стол последним, либо ему отдавали деньги, и он уходил с поминок. Человеку, который мыл пол в доме умершего, не разрешалось мыть посуду. Во время молитв по усопшему не зажигали свечи. В то же время, по воспоминаниям местных жителей, начиная с послевоенного времени в похоронные обряды некоторых семей молокан начали проникать отдельные новшества и элементы суеверий, которые были заимствованы у других групп переселенцев. К примеру, в карман или под подушку покойнику клали монету чтобы «выкупить место на том свете». Если покойник являлся во сне, монету закапывали на кладбище. В доме умершего завязывали тканью зеркала, чтобы в нем «не появилось следующего покойника».

По воспоминаниям уроженцев Брезицка и Белостока, такие компоненты материальной культуры молокан, как жилище и одежда, не имели отличий от других групп переселенцев. Проживая в степной местности, для которой был характерен дефицит древесины, молокане переняли опыт строительства саманных домов, который на территорию Одесского района Омской области привнесли украинские крестьяне-переселенцы, проживавшие ранее в сходных природно-климатических условиях. При этом по рассказам местных жителей, посещавших деревни молокан в Пестравском районе Самарской области, в них преимущественно строили деревянные дома. Таким образом, специфика местных природных ресурсов обусловила заимствование молоканами адаптированных к ней строительных традиций нового этнического окружения.

Воспоминания об особенностях традиционной одежды молокан в наименьшей степени сохранились в памяти местных жителей. По их словам, одежда молокан и баптистов не имела существенных различий с другими группами переселенцев. Нередко в деревне была одна швея, которая всем шила одежду. Ввиду неблагоприятных условий для развития льноводства одежда в основном изготавливалась из покупных тканей. В то же время во многих семьях было распространено прядение из шерсти.

Особенности традиционной культуры питания стали наиболее значимыми и стойкими маркерами этнокультурной идентичности молокан. Об этом свидетельствуют такие распространённые у жителей Одесского района названия блюд, как «молоканская лапша», «молоканские блины» и др. Примечательно, что на территории Закавказья лапша также часто ассоциировалась с одним из наиболее важных

атрибутов традиционной кухни молокан [Григулевич, 1996, 74, 85, 124]. В деревне Белосток по отношению к традиционному для молокан набору блюд употреблялось название «молоканский обед». К его типичным компонентам относили кашу (с подливкой или на молоке), щи, лапшу, варёное мясо (курица, баранина или говядина), блины и компот из сухофруктов. В некоторых семьях блины и лапша готовились только в праздничные и воскресные дни. Молоканская лапша из пшеничного теста, замешанного на куриных яйцах, раскатывалась и нарезалась довольно толстыми кусочками, ширина которых чаще всего составляла около пяти миллиметров. Её варили на воде или на курином бульоне. Блины готовились из пшеничной муки на молоке с добавлением куриных яиц и пропаривались в печи. Во время еды они складывались надвое и обмакивались в сливочное масло или сметану. Иногда «молоканские блины» также называли словом «блинцы». Для приготовления щей чаще всего использовали куриное мясо, капусту и лук. По одной из версий местных жителей «молоканский обед» первоначально готовили на поминки две женщины из молокан. Местные жители видели, что получается сытно и практично, поэтому стали приглашать этих женщин в другие семьи готовить поминальные обеды. Постепенно эти «молоканские» блюда стали восприниматься как традиционные.

Поминальный обед чаще всего состоял из щей, лапши, мяса, каши и компота. Некоторые потомки молокан считают, что кутья, ставшая важным ритуальным блюдом, является заимствованием у других групп переселенцев и первоначально не подавалась на поминальной трапезе. Во время поминок не было принято пить водку, однако начиная с 1970-х годов эта традиция начала проникать в семьи молокан от односельчан, приехавших из других регионов. Следует отметить, что благодаря бытовым контактам с проживавшими поблизости украинскими, южнорусскими и другими переселенцами в кухне молокан стали появляться такие блюда, как борщ, затирки, галушки на кислом тесте, пресные пышки и др. Главным пищевым запретом у молокан являлся отказ от употребления свинины. По рассказам жителей Брeзицка, молокане считали свинью нечистым животным и негативно воспринимали случаи, когда принадлежавшие проживавшим по соседству украинским переселенцам свиньи заходили на их территорию. Некоторые потомки молокан отмечали, что их предки также не употребляли в пищу чеснок.

Анализ полевых материалов, собранных на территории Одесского района Омской области, указывает на то, что у проживающих на его территории в первые десятилетия XXI века потомков молокан не сохранилось веры их предков, однако осталась связанная с ней этнокультурная память. При этом само название «молокане» для большинства местных жителей утратило своё былое религиозное значение и превратилось в своеобразное коллективное прозвище, которое ассоциируется у этой переселенческой группы с общностью её происхождения. Для трансформаций этнокультурной памяти, отражающей этнические традиции потомков молокан, характерны следующие тенденции. В духовной культуре лучше всего сохранилась память о поминальной обрядности. В материальной культуре наиболее сохранной осталась память о традиционной кухне. Эта ситуация во многом коррелирует с принципами сохранения и трансформаций традиционной культуры, которые фиксировались нами у других групп переселенцев. В случае групп молокан, проживавших на территории Одесского района Омской области, на утрату памяти о ряде других компонентов их традиционной духовной культуры оказала влияние модернизация жизненного уклада в советский период. На трансформации таких компонентов материальной культуры молокан, как жилище и одежда решающее влияние оказала специфика местных природных ресурсов и заимствование оптимального для них адаптационного опыта у нового этнического окружения. При этом традиционная культура питания молокан оказалась наиболее стойким компонентом их материальной культуры, как ввиду её высокого ритуального значения, так и благодаря тому, что она нередко воспринимается местными жителями как часть передаваемых из поколения в поколение семейных традиций.

Благодарность

Работа выполнена Институтом проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FWRZ-2021-0006).

Acknowledgement

The work was carried out by the Institute for Problems of Northern Development of the Tyumen Scientific Center SB RAS within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme No. FWRZ-2021-0006).

Библиографический список

1. Буянов, Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв. / Е.В. Буянов – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – 396 с.
2. Буянов, Е.В. Духовные христиане на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) / Е.В. Буянов. – Благовещенск: Одеон, 2021. – 206 с.
3. Григулевич, Н.И. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья / Н.И. Григулевич. – М.: ИЭА, 1996. – 163 с.
4. ГАИО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 262. Списки молокан и баптистов с. Белостокского, Белостокской волости Омского уезда на 2 апреля 1916 г.
5. ГАИО. Ф.Р-248. Оп. 1. Д. 7. Омская община духовных христиан молокан г. Омска.
6. Губенко, М.Л. Молоканское сообщество: история и традиции // Газета Одесского района «Пламя всегда с вами» / М.Л. Губенко. – 2023. – № 30 (9616). – С. 4.
7. Духоборцы и молокане в Закавказье / Отв. ред. В.И. Козлов, А.П. Павленко. – М.: ИЭА, 1992. – 199 с.
8. Назарцева, Т.М. Молокане Омской области / Т.М. Назарцева // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1996. – № 4. – С. 224–228.
9. Прохоров, К.А. В Сибирских палестинах. История сибирской церкви евангельских христиан-баптистов (1890-е – 1941 г.) / К.А. Прохоров. – Омск – Штайнхаген: Samenkorn, 2019. – 928 с.
10. Павлов, П.В. Приветственное слово, сказанное П.В. Павловым от имен русской делегации на всемирном конгрессе баптистов 21 июля 1923 г. в Стокгольме / П.В. Павлов // Баптист. – 1925. – № 3. – С. 5–6.
11. Русские старожилы Азербайджана / Отв. ред. В.И. Козлов, Н.А. Дубова. – М.: ИЭА, 1990. – Ч. 1. – 166 с.
12. Федоров, Р.Ю. Этнокультурная память восточнославянского населения Сибири: от народных репрезентаций к институционализации / Р.Ю. Федоров // Сибирские исторические исследования. – 2023. – № 3. – С. 40–56.
13. Фурсова, Е.Ф. Старообрядческие обычаи «незамирщения» во время распространения новой вирусной инфекции Ковид-19 (по материалам Новосибирской области) / Е.Ф. Фурсова // Религиоведение. – 2021. – № 3. – С. 118–124.
14. Фурсова, Е.Ф. Особенности этнокультурной памяти и свадебной обрядности русских «пензяков» в Барабинской лесостепи / Е.Ф. Фурсова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2022. – Т. 28. – С. 947–954.

Текст поступил в редакцию 21.01.2024.

Принят к печати 21.02.2024.

Опубликован 26.09.2024.

¹ Автор статьи выражает глубокую благодарность заведующему Желанновского краеведческого музея им. К.М. Сахана с. Желанное Одесского района Омской области А.И. Лонскому за активную помощь в сборе полевых материалов.

References

1. Buyanov E.V. *Duhovnyye hristiane molokane v Amurskoj oblasti vo vtoroj polovine 19th – pervoj treti 20th vv.* [Spiritual Christians are Molokans in the Amur Region in the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2012, 396 p. (in Russian).

2. Buyanov E.V. *Duhovnye hristiane na Dal'nem Vostoke Rossii (vtoraya polovina 19th – pervaya tret' 20th vv.)* [Spiritual Christians in the Far East of Russia (the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries)]. Blagoveshchensk: Odeon, 2021, 206 p. (in Russian).
3. Grigulevich N.I. *Tradicionnaya pishcha russkikh starozhilov i narodov Zakavkaz'ya* [Traditional food of Russian old-timers and peoples of Transcaucasia]. Moscow: IEA, 1996, 163 p. (in Russian).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [The State Archive of the Irkutsk region]. Fund 272. Inventory 3. File 262. Lists of Molokans and Baptists s. Bialystok, Bialystok volost of Omsk district on April 2, 1916. (in Russian).
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [The State Archive of the Irkutsk region]. Fund R-248. Inventory 1. File 7. Omsk community of spiritual Christians Molokan of Omsk. (in Russian).
6. Gubenko M.L. Molokanskoe soobshchestvo: istoriya i tradicii [Molokan Community: History and Traditions]. *Gazeta Odesskogo rajona "Plamya vseгда s vami"* [Newspaper of the Odessa district "Flame is always with you"]. 2023, no. 30 (9616), p. 4 (in Russian).
7. Kozlov V.I., Pavlenko A.P. (eds). *Duhoborcy i molokane v Zakavkaz'e* [Dukhobortsy and Molokans in Transcaucasia]. Moscow: IEA, 1992, 199 p. (in Russian).
8. Nazarceva T.M. *Molokane Omskoj oblasti* [Molokans of the Omsk region]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [News of the Omsk State Museum of History and Local Lore]. 1996, no. 4, pp. 224–228 (in Russian).
9. Prohorov K.A. *V Sibirskikh palestinah. Istoriya sibirskoj cerkvi evangel'skikh hristian-baptistov (1890-e – 1941 g.)* [In Siberian Palestine. History of the Siberian Church of Evangelical Christian Baptists (1890s – 1941)]. Omsk – Steinhagen: Samenkorn, 2019, 928 p. (in Russian).
10. Pavlov P.V. *Baptist*. 1925, no. 3, pp. 5–6 (in Russian).
11. Kozlov V.I., Dubova N.A. (eds). *Russkie starozhily Azerbajdzhana* [Russian old-timers of Azerbaijan]. Moscow: IEA, 1990, vol. 1, 166 p. (in Russian).
12. Fedorov R.Yu. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Studies]. 2023, no. 3, pp. 40–56 (in Russian).
13. Fursova E.F. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2021, no. 3, pp. 118–124 (in Russian).
14. Fursova E.F. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 2022, vol. 28, pp. 947–954 (in Russian).

Submitted for publication: January 21, 2024.

Accepted for publication: February 21, 2024.

Published: September 26, 2024.